

lich beschäftigt hatte. Diese Arbeit von Ülle Viks ist deshalb von Anfang bis Ende durch einen ausgeprägten Neuheitsmoment gekennzeichnet. Dabei bilden die fünf einzeln publizierten Teile der Dissertation "Klassifi-

zierende Morphologie der estnischen Sprache" eine geschlossene Einheit, die nach einstimmigem Urteil des Verteidigungsausschusses des Doktorgrades würdig ist.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1995.1.10>

Helmi Neetar, *Deverbaalne nominaaltuletus eesti murretes I*, Tartu 1994 (*Dissertationes Philologiae Estonicae Universitatis Tartuensis 2*).

14 июня 1994 г. в Тартуском университете состоялась защита докторской диссертации ведущим научным сотрудником Института эстонского языка Хельми Неэтар на тему «Отглагольное именное словообразование в эстонских диалектах I». Оппонентами на защите выступили доктора филологических наук Пауль Алвре и Арво Лаанест.

В работе рассматриваются следующие отглагольные именныe суффиксы: *k, kA, kAs, l, ld, lik, mik, n, nA, nd, ndAne, ndik, ndVs, ng, nik, r, rd, sk, ts*.

После грамматики эстонского языка Ф. Й. Видемана рецензируемая работа стала первым исследованием, охватившим такую большую группу встречающихся в эстонских диалектах словообразовательных суффиксов. В какой-то мере, правда, этой проблемой занималась И. Коньт, но она в некоторых отношениях исходила из иных аспектов. Уже это обстоятельство оправдывает выбор темы и определяет новизну работы. Использованный в исследовании материал извлечен в основном из диалектного архива Института эстонского языка, причем набралось его так много, что проанализировать все производные оказалось просто невозможно, пришлось ограничиться рассмотрением словообразовательных моделей.

Во введении отмечается, что автором «синтезированы дескриптивный, сравнительно-исторический и лингвогеографический методы». Там же дан перечень авторов, на труды которых в области словообразования опиралась Хельми Неэтар. Поскольку среди перечисленных авторов единодушие отсутствует, следовало бы подробнее пояснить, чьи именно взгляды акцентируются в данной работе в первую очередь.

Каждому суффиксу отведен в работе отдельный подраздел. Внутри него прежде всего приводится критический обзор уже

написанного о суффиксе. Далее следуют дериваты вместе с деривационной основой и особенностями, касающимися семантики и словообразовательного корня. В синтезирующей части подразделов, посвященных отдельным суффиксам, суммируются сведения о распространении и варьировании суффикса. На их базе делается и вывод о развитии суффикса в пределах эстонского языка или о его заимствованном происхождении. Данные о соответствиях суффикса в родственных языках почерпнуты в соответствующей литературе.

Зачастую нелегко определить, имеем ли мы дело с разными суффиксами или же с вариантами одного суффикса; что послужило деривационной основой и как разграничить между собой словообразовательную основу и суффикс. Автор убедительно доказывает, почему она считает суффикс *ik* (напр., в слове *rõõvik*) алломорфом суффикса *k*. Однако не исключен и анализ противоположного плана: считать *k* и *ik*, даже *ak/äk* самостоятельными суффиксами. Возможность рассмотрения одного и того же звука и как компонента основы, и как компонента суффикса известны также в области словоизменения. В любом случае весьма полезной представляется таблица 1, которая дает четкое представление об отношениях суффиксов resp. их вариантов с *k* с разными глагольными типами.

Складывается впечатление, что автор в итоговой части излишне выделила немногие встречающиеся в Виру-Нигула и Вайвара производные с суффиксом *ka/kä* (*lombaka, sähmäkä*). Это безусловно не единственные случаи, которые могут вернуть нас к предполагаемому суффиксу с *kk* уральского происхождения. Наилучшая сохранность этого суффикса именно в северо-восточном прибрежном диалекте объясняется, естественно, отсутствием апокопы в этом

диалекте. В остальных эстонских диалектах в связи с апокопой стало возможным изменение гласного основы, кроме того, первоначальный суффикс с *kka* мог заменить на суффикс с *kka*s, как утверждает и автор исследования.

В результате обстоятельного лингвогеографического анализа Хельми Неэтар приходит к выводу, что в настоящее время весьма широко распространенный суффикс *lik* инороден по происхождению и в диалектах получил распространение под влиянием литературного языка. В этом, да и в ряде других случаев автор установила, что данные диалектной картотеки частично не аутентичны, что обусловлено неосторожным использованием словаря Видемана при проведении опроса.

Х. Неэтар относится критически и к мнениям авторитетов. Так она опровергает утверждение Ю. Мягисте о том, что в слове *viskel* к глагольной основе *viskele-* присоединился суффикс *ü > i*. Дело в том, что присоединение суффикса *u/ü* к глаголам с *ele* не свойственно эстонскому языку, хотя литературный язык и заимствовал из финского языка слова, образованные по такой модели (с. 69).

Рецензент считает удавшимся вывод автора при рассмотрении производных с суффиксом *n* (напр., *kohin*), а именно — что и существительное, и образованный с помощью суффикса *ise* глагол произведены от одной связанной основы.

Много новизны содержит анализ суффикса *r* (*ar, er, ur/ür*). В таблице 3 представлены взаимосвязи алломорфов суффикса с гласным глагольной основы. В таблице 4 показаны взаимосвязи между гласными основы производного и алломорфами суффикса. Среди словоизменительных типов производных как по количеству слов, так и по территориальному распространению первое место занимает тип, имеющий в номинативе два слога и третью степень долготы, а в генитиве — три слога, третью степень долготы и гласный основы *i*.

Автор сказала свое слово и в отношении тех суффиксов, которые служили и раньше объектом исследования, например *rd* и *ng*.

В исследовании установлено, что заимствованный характер ряда суффиксов подтверждает и их географическое распространение (*sk* и *ts* в Восточной и Южной Эстонии, *ndAne* в северо-восточном прибрежном диалекте).

Пользование работой облегчают 16 карт распространения и регистры: указатель апеллятивов и названий, деривационные основы и связанные основы, группы / типы глаголов, словообразовательные суффиксы, алломорфы и другие компоненты. Подбор картографируемых явлений иногда представляется случайным. Некоторые карты трудно понять без знакомства с соответствующим разделом в тексте. По карте 1, например, трудно судить о том, что «данные северо-восточного прибрежного диалекта и Западной Эстонии (о слове *jook* — А. Л.) получены преимущественно из новейшего диалектного языка или при опросе по словарю Видемана» (с. 12—13). Карта 15 не позволяет сделать вывод о том, что утрата гласного в отглагольных образованиях на *Vs* чаще встречается в формах косвенных падежей, как утверждается на с. 178; в легендах к картам представлены только формы на *ts* с синкопой. Отсутствует карта о распространении самостоятельного суффикса *ts*, которая проиллюстрировала бы предполагаемое русское влияние.

Подача материала и изложение выводов в работе столь сжаты и лаконичны, что местами оказывается пропущенным нечто существенное для понимания хода авторских рассуждений. На с. 110 говорится, что суффикс *nd* имеет двоякое происхождение. В случае связанной с действием семантики он имеет то же происхождение, что и в родственных языках, относительно же личных имен пейоративного значения речь идет об абстрагировании от производных на *i* глаголов с *nda*. Однако в разделе, о котором идет речь, рецензент не обнаружил ни одного примера на глаголы с *nda* пейоративного значения.

При рассмотрении производных на *ts* с выпадением гласного (с. 170 и далее) следовало бы привести некоторые примеры и отглагольных существительных на *es/is/us*, в которых гласный суффикса сохранился.

Учитывая громадное количество проработанного материала, обстоятельность анализа и хорошо обоснованные, новые для науки выводы, можно с уверенностью констатировать, что работа Хельми Неэтар «*Deverbaalne nominaaltuletus eesti murretes I*» представляет собой значительный вклад в исследование деривационной системы эстонского языка.